

Ирина Шульгина

На рассвете

повесть

16+

Ирина Шульгина

На рассвете

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Шульгина И. М.

На рассвете / И. М. Шульгина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Как сложилась дальнейшая судьба тех, кого Христос за время Своего земного служения спас от болезней и смерти? Эта повесть - попытка дать ответ на этот вопрос. Сюжет основан на знаменитом Евангельском эпизоде: Он спасает от неминуемой гибели женщину, уличенную в супружеской измене. Осознание происшедшего и медленное, трудное духовное пробуждение даются ей далеко не сразу, а лишь в самом конце ее драматической судьбы.

© Шульгина И. М., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

В лучах восходящего солнца вспыхнул небосвод и позолотились вершины холмов, окружающих долину. Пастух, гнавший стадо на водопой, поглядел вдаль, туда, где из тумана проступили дома и сады Башни Шаршона, и вздохнул. С древних времен стояло тут маленькое военное поселение, нынче гордо именуемое Кесарией по воле Ирода Великого и на радость римскому правителю. С тех пор, как язычники, пришедшие из-за моря, владычествуют над Иудеей, Кесария строится, богатеет, пирует и манит нестойкую молодежь нечестивыми чужеземными зрелищами.

Поодаль виднелся какой-то темный бугорок, овцы с блеянием обходили его, как поток обтекает валун. Пастух подошел поближе – посмотреть, что это такое, и замер – на пыльной каменистой дороге, что вела в город, ничком лежала женщина. Пышные волосы ее были мокры от крови, камень, пробивший голову, валялся рядом. Пастух наклонился, потрогал ее за плечо, перевернул на спину, попытался нащупать жилу на шее, чтобы почувствовать ток крови. Ему показалось, что он ощущает под пальцами слабые толчки и чувствует еле заметное дыхание – значит, она еще жива. Он не ошибся – ответом ему был чуть слышный стон. Пастух выпрямился и знаками подозвал подпаса. Мальчик резво подбежал и испуганно уставился на раненую. «А ну-ка, – строго сказал ему старший, – нечего попусту глазеть, быстро неси сюда жерди и шкуры». Мальчишка со всех ног пустился выполнять приказание.

Из жердей и шкур пастухи соорудили носилки, положили на них тихонько стонущую женщину и торопливо, насколько могли, направились к колодцу, у которого уже сгрудилось стадо. «Напои овец, а я попытаюсь ей помочь», – приказал старший и начал осторожными, ласковыми движениями смачивать рану на ее голове настоем трав, который всегда носил с собой. Потом взял кусок белой холстины, обтер ее испачканное лицо, поднес к иссохшим губам плоску с водой. Она застонала громче, сделала несколько судорожных глотков и приоткрыла глаза. Пастух пристально взгляделся в ее лицо и вдруг, чуть вздрогнув, отпрянул, будто что-то поразило его. Мальчик заметил это, подошел поближе, заглянул в лицо раненой.

– Молодая совсем, – сказал он, покачивая головой. – Красивая! Кто ж это ее так?

– Не нашего ума дело, – отвечал старший. – Может быть, она сама споткнулась ночью на дороге, и ударилась о камень.

– Скажешь тоже, – возразил младший, – если бы она сама споткнулась, рана была бы спереди или сбоку. А ее ударили в затылок. Кто-то, видать, ее подстерег и напал сзади, разбил голову. А почему ты так странно на нее смотришь, будто знаешь ее?

– Я вижу, – с деланной строгостью сказал старший пастух, – что это ты очень много знаешь. И как человек падает, и кто как на кого смотрит. А знать ты должен пока что совсем другую науку – как следить за овцами, чтобы они были сыты, вовремя напоены и здоровы.

Подпасок слегка обиделся и отошел в сторону, а пастух продолжал обихаживать женщину. Та закрыла глаза, бессильно откинулась на носилках и вновь впала в беспамятство.

* * *

Мерула, пыхтя и отдуваясь, шагал по шумным припортовым улочкам Кесарии. Он спешил навстречу торговому судну, груженному его товаром – тканями и иберийским вином. Надо было проследить за выгрузкой, рассчитаться с капитаном, отправить товар на склад. Торговля требует придирчивого хозяйского догляда. Чуть ослабишь хватку – потеряешь прибыль и навлечешь на себя неудовольствие патрона. Не желая опоздать, Мерула торопился, бесцеремонно толкал прохожих, бил по рукам лавочников, норовящих схватить римлянина за одежду и затащить в свою лавчонку, набитую жалким хламом. Солнце пекло так, будто сам лучезарный Феб, прогневавшись на смертных, пожелал изжарить их живьем. Да и сам Мерула за последние несколько лет, проведенных в беспечной праздничной Кесарии, потолстел, обзавелся сытым

брюшком, потяжелел в шаге, утратил резвость – потому-то и стало трудно ходить, особенно под беспощадным солнцем Иудеи.

Ну вот, наконец, и порт. Внутреннее море сегодня спокойно, ласково лижет бока онерарий. Их паруса мирно свернуты, округлые корпуса покачиваются на волнах. Мерула одобрительно хмыкнул, вспомнив об иудейском царе Ироде, построившем здесь этот город с отличным портом, с гаванью, защищенной от ветров и штормов могучими молами из римского бетона с добавлением пуццолана. Да и жизнь в Кесарии устроена по римскому обычаю – здесь есть и с кем вести дела, и с кем отдохнуть от дел.

Мерула стоял, напряженно глядя в морской простор и ища глазами свою «Диану-охотницу», как вдруг звуки бубна позади отвлекли на минуту его внимание. Он оглянулся – на небольшой площадке, окруженной коробами с зерном, еще не снесенными в амбары, собралась небольшая толпа – рабочие, ремесленники, портовые грузчики. В середине толпы, под одобрительные крики разношерстного люда плясала какая-то бродяжка – тяжелая грива нескромно распущенных волос окутывала ее плечи, тонкие руки в дешевых браслетах извивались, как змеи. Мерула с досадой отвернулся – монотонные звуки бубна тяжело отдавались в голове, шум и гогот раздражали, жара донимала.

Но вот, наконец, красавица «Диана – охотница» подходит к причалу. Паруса на обеих мачтах свернуты, умелые гребцы на корме плавно маневрируют между другими судами, суется матросы на палубе. Мерула в радостном предвкушении потер руки. Нет, не тюки с дорогими тканями, не амфоры с вином заставляли учащенно биться его сердце. На тканях и вине настоящих барышей не сделаешь, хорошую цену не возьмешь – слишком много конкурентов. Те, кто с избытком набьет его кошель полновесным тяжелым серебром, сидят сейчас в трюме, надежно спрятанные от случайных взглядов. Капитан знает, как провезти их так, чтобы они не пострадали в долгом плавании от болезней, недоедания и жажды, ведь на больных и истощенных ничего не заработаешь. За годы жизни в Кесарии Мерула приобрел многих влиятельных покровителей, и не только среди граждан Рима, но и среди иудеев, и сейчас, любуясь горделивым ходом «Дианы-охотницы», прикидывал, как он распорядится живым товаром, спрятым до поры в ее трюме.

Пока шла разгрузка судна, пока Мерула улаживал дела с капитаном, день перевалил за середину, солнце склонилось к закату. Небольшую партию юных рабов – человек пятнадцать – выгрузили на берег. Мерула оглядел их быстрым взглядом, приценился. Большинству, пожалуй, не было и 12 лет, все выглядели неважно – устали, испуганы, заплаканы. Мерула не стал задавать капитану никаких вопросов – он и так знал, как они попали на «Диану-охотницу». Кого-то украли в пустынном месте, кого-то выкупили у пиратов, промышлявших у берегов Внутреннего моря, а кого-то продали их собственные обнищавшие родители. Что бы ни привело их в темный трюм «Дианы-охотницы», Меруле было их не жаль – такова, стало быть, воля Децимы, великой Парки, и изменить ее смертному не по силам.

Торговлей живым товаром Мерула начал заниматься очень давно – еще в Риме, когда он был рабом в доме Сестиев и упорно старался накопить денег на свое освобождение.

В этот патрицианский дом Мерула попал мальчишкой лет семи-восьми и в полной мере отведал плетки, побоев, горечи и унижений. Однако годы шли, и его хозяева все чаще стали отмечать живой ум, практическую сметку и безупречную честность юного раба. Глава дома Кезон Сестий мало-помалу стал поручать Меруле некоторые сделки по управлению обширным имением. Раб совершал дела с большим толком, выказывая при этом непоколебимую верность интересам хозяина. Год от года доверие Кезона Сестия к Меруле возрастало. Молодому рабу не было и двадцати лет, когда Кезон переложил на его плечи всю торговлю зерном – главный источник процветания дома Сестиев. В этом деле Мерула выказал необыкновенные способности и вскоре весьма приумножил состояние своего господина. Кезон, старый вояка, суровый, а порой и беспощадный к домашним и рабам, высоко ценил смекалку и честность Мерулы и

по справедливости вознаграждал его за особо удачные сделки. Такрабу удавалось откладывать небольшие суммы, и он стал мечтать об освобождении. Сначала эта мечта казалась ему недостижимой, но, по мере роста его сбережений крепла и, в конце концов, поглотила его целиком. Но Мерула быстро понял, что накопления его растут очень медленно, и, пожалуй, потребуются долгие и долгие годы, чтобы собрать нужную сумму.

Он уже было отчаялся оттого, что ему суждено пробыть в рабстве чуть не до старости, но счастливый случай свел его с торговцем из пиратской братии, промышленявшей юными пленниками. Это дельце пошло у Мерулы как нельзя лучше. Кезон Сестий наверняка знал о тайном промысле своего раба, но закрывал на это глаза – ведь эта «слепота» приносила и ему ощутимый доход.

Так Меруле удалось в короткое время наполнить свой кошель полновесными денариями, получить законное освобождение, а с ним – и римское гражданство. И пусть это было ущербное, неполноценное гражданство, пусть до конца своих дней он будет зависеть от патрона, но все же он стал свободным человеком и гражданином величайшей под небом империи.

Переехав вслед за патроном в Кесарию Иудейскую, Мерула работал на износ, преуспел в торговле тканями, вином и зерном, но своего самого прибыльного дела не оставил. Дела его в Кесарии пошли отлично, он никогда не упускал своей выгоды, быстро разбогател и приобрел известность в торговых кругах – как законных, так и тайных. Теперь он велел отвести пленников в лачугу на окраине порта, которую купил специально для этих целей, накормить, дать отдохнуть. Завтра он придет и самолично осмотрит каждого и каждую. Вольноотпущенник дома Кезона Сестия отлично знал, что иные связи важнее денег и щедрость порой бывает десятикратно вознаграждена. Так было в Риме, так продолжалось и здесь, в Иудее. Ведь место само по себе ничего не значит – человек со своими страстишками везде одинаков. Мерула придирчивым взглядом окинул свой товар и стал прикидывать, как он им распорядится: тем, кто поважнее и понужнее, сделает щедрый подарок – прекрасную девушку или нежного мальчика для сладких утех, смотря по потребностям одаряемого. Для этого он сам отберет лучших из лучших, остальных же выгодно продаст: тех, кто покрасивее – в богатые кесарийские дома, а других, похуже лицом и статью – в лупанарии, стыдливо прячущиеся на окраинах города.

Не торопясь, Мерула отправился домой. Жара чуть ослабела, порт постепенно затихал, готовясь к ночному отдыху, дышалось легче. На одной из грязных улочек, ступеньками взбегающей вверх, он увидел давешнюю плясунью – она сидела на камне с лепешкой в одной руке и горстью оливок в другой. Рядом – убогий глиняный кувшин, то ли с водой, то ли с дешевым вином. Откусывала хлеб большими кусками, проглатывала, почти не жуя. Мерула очень хорошо знал эту судорожную торопливость изголодавшегося человека – сколько раз он сам делал голод своим союзником для усмирения непокорных! Он подошел, остановился и, взглянув сверху вниз, спросил по-гречески: «Тебя как звать?». Зачем спросил, он и сам не знал – на самом деле она его совсем не интересовала. Сколько он перевидал таких плясунь в великих римских портах – и в Остии, и здесь, в Кесарии Иудейской! Бестолковыми, нелепыми движениями, которые и танцем-то не назовешь, они зарабатывают жалкие гроши на грубую лепешку, незрелый сыр и кислое пойло. Вот и эта, еще совсем молоденькая, вскоре утратит свою грацию, превратится в жалкую пьянчужку и бесследно сгинет в каком-нибудь мрачном, зловонном закутке огромного порта.

Тем временем девчонка, услышав его шаги, подняла голову, откинула со лба пряди выющихся волос и взглянула на него, не переставая жевать. На мгновение Меруле показалось, что он уже где-то видел этот взгляд, но где? Кто она – гречанка или иудеянка? Судя по внешности, скорее всего – иудеянка, хотя исконные жители этой страны недолюбливают Кесарию. Здесь живут те из них, кто хочет быть ближе к римской власти, заручиться поддержкой префекта, вести международную торговлю. Они высокомерны, эти иудеи. Поклоняются какому-то непонятному божеству, который, по их мнению, могущественнее, чем сам Юпитер. Даже эта

ничтожная бродяжка нисколько не смущается, смело смотрит ему, богатому римскому господину, прямо в лицо и молчит, чуть кривя губы в усмешке.

Мерула не стал настаивать на ответе, а принялся внимательно рассматривать девчонку. У нее были длинные, красивые пальчики, рукава ее запыленного, вконец изношенного кетонета задралась, открывая тонкие запястья. Какое-то соображение закралось в практичную голову Мерулы. «Что, если попробовать? Не сумеет, так выгоню», – подумал он и сказал:

– Вот что... Видел сегодня, как ты плясала... там... – он махнул рукой в сторону гавани, – ты, видно, хорошо танцуешь?

Но она не отвечала, потом, все так же еле заметно улыбаясь, покачала головой, давая понять, что не понимает его. Он окончательно понял, что перед ним – иудейка из бедных, не знающая даже по-гречески. Пробовать обращаться к ней на латинском языке – явно бессмысленно, а на арамейском Мерула сам говорил с трудом. Все его партнеры из Иудеи или из Сирии говорили по-гречески, и он не взял себе за труд по-настоящему выучить здешнюю варварскую тарабарщину. Для переговоров с иудеями ему обычно хватало нескольких десятков слов, дополненных выразительными жестами. Сейчас он попробовал задать ей свой вопрос по-арамейски, и она как будто поняла, кивнула, похоже, и впрямь считая себя танцовщицей. Тогда Мерула, медленно подбирая слова, продолжил:

– Хочу, чтобы ты станцевала для меня что-нибудь. Пойдем ко мне, я заплачу, – он вынул из-за пояса кошель и достал оттуда денарий. Девчонка так и впилась глазами в серебряный диск, даже рот приоткрыла, будто хотела его проглотить.

– Ну, что, идем? Заодно и поужинаем – чем-нибудь получше этого, – усмехнулся Мерула и ткнул пальцем в черствую лепешку, которую оборванка продолжала держать в руке. Приглашение тапоняла отлично, радостно кивнула, бросила остатки своего немудреного ужина в торбу («Запасливая», – подумал на это Мерула) и вскочила, не переставая все также чуть лукаво улыбаться своему благодетелю.

Он привел ее на свою небольшую, превосходно отделанную виллу, обстановкой не уступающую некоторым патрицианским домам в самом Риме. Они миновали атрий и прошли в перистиль – внутренний дворик, украшенный великолепными цветами и фонтаном, струи которого стекали в выложенный мрамором бассейн. В углу садика притаилась маленькая беседка, увитая ползучими розами. Мерула приостановился, оглянулся на свою гостью, и удовлетворенно усмехнулся – было видно, что она потеряла дар речи от такой красоты. Да, он вложил немалые средства в эту виллу, даже залез в долги, но траты того стоили – пусть все видят, как Фортуна благоволит к тем, кто смеет говорить с нею на равных.

Насладившись оторопью бродяжки, он приказал служанке приготовить своей гостье ванну с благовониями. Пока она под присмотром расторопной прислужницы лежала в теплой терракотовой ванне, Мерула велел принести ужин. На мраморном инкрустированном столе рядом с бассейном появилась печеная рыба, лепешки из пшеницы тонкого помола, смоквы, виноград и неперменный соус гарум, без которого Мерула, выросший в богатом римском доме, не мыслил себе никакой еды.

Тем временем бродяжка, закончив омовение, вышла во дворик и предстала перед лицом своего благодетеля. Теперь уж ему наступило время вытарашить глаза. О, бессмертные боги! Каким волшебством превратили вы эту нищенку в нимфу? В белой, струящейся по изгибам тела тунике, с изящными ступнями, будто вырезанными искусным мастером, она стала похожа на ожившую мраморную статуэтку. Она улыбнулась Меруле, отщипнула пару виноградных ягод, отошла от стола и скинула руки, приготовившись к танцу. Мерула поднес к губам тибию. Он полюбил эту дудочку с тех пор, как попал в дом Сестиев. Вскоре юный раб так овладел этим искусством, что господа велели ему услаждать слух своих гостей на пирах. Став свободным и богатым, Мерула не забыл свою певучую подружку. Он и сейчас иногда брал в руки тибию, извлекал из нее нежные звуки, будившие в его голове какие-то неясные образы, от которых

щемило сердце – домик на берегу реки и ласковая женщина в светлых одеждах. Если становилось совсем печально на душе, он усилием воли прогонял видения и откладывал дудочку в сторону. За годы рабства, когда он горел единственным желанием любой ценой получить свободу, Мерула понял одну непреложную истину – если хочешь идти вперед широкими шагами, сбрось с плеч лишний груз воспоминаний и тщетных сожалений и не оглядывайся назад.

Впрочем, тибия Мерулы умела петь и веселые песни. Сейчас она запела звонко и радостно, а девчонка, услышав ее серебристый голос, вскинула голову и изогнула стан. Как змеи, сплелись над головой тонкие руки, заструились по плечам украшенные цветами тяжелые косы, плавно и призывно колыхнулись под полотном туники стройные бедра. Мерула был поражен – ее танец несколько не походил на бесстыдные телодвижения площадных плясуний. Никогда не доводилось ему видеть такого – ни на пирах в доме Кезона Сестия, ни у гетер, куда он сопровождал своего господина, ни на римских площадях во время гуляний черни. Страстью, соблазном, искушением обжигал ее танец. Да она и не танцевала вовсе – она звала, околдовывала, привораживала. Мерула чувствовал, как часто бьется его сердце, как приливает кровь к его щекам. Наконец у него перехватило дыхание, он отбросил в сторону тибию, схватил в объятия юную танцовщицу и, как сатир, утащил ее в маленькую беседку, чтобы жадно овладеть ею на ковре из мягкой травы под сенью цветущих роз. Впервые в жизни он испытал такой любовный восторг. Это соитие несколько не напоминало искусственную страсть профессиональных блудниц или покорные, робкие ласки рабынь. Прерывистое и жаркое дыхание плясуньи обдавало его щеки, он погружался в ее упругое лоно, и ему казалось, что от наслаждения он вот-вот потеряет сознание.

Потом, когда все кончилось, он не сразу выпустил ее из объятий. Странное чувство овладело им. Ему казалось, что он покачивается на волнах тихой, светлой радости. Он нежно гладил ее волосы, целовал полуприкрытые глаза, всем телом блаженно впитывал ее тепло и желал только одного – чтобы эти минуты длились вечно.

Наконец любовники отстранились друг от друга и вытянулись рядом на траве. Мерула глубоко вздохнул. Легкое облачко нежности, закравшееся в его сердце, улетучилось, и он принялся размышлять о том, какую службу может сослужить ему эта юная соблазнительница, искусная в танцах и любви. С такой можно проворачивать неплохие дела. Он предвкушал, как заносчивые римские чиновники, от которых зависит благополучие торговца, потянутся в его дом, чтобы насладиться изысканными блюдами, дорогими винами и необычными танцами этой дочери востока. Плясунья сумеет размягчить даже тех, кто давно очерствел сердцем и потерял вкус к жизни. Она растопит жаром своих ласк самых холодных и неподатливых, а уж Мерула сумеет направить их расположение к своей выгоде. И пусть только девчонка попробует возразить – узнает, что с Кезоном Сестием Мерулой, умеющим и наградить и наказать, шутки плохи.

Он блаженно потянулся. Нет, он не позволит своей плясунье стать дешевой добычей мужской похоти, блудной девкой, исполняющей любые капризы. Так она за год-другой постареет и потеряет свою прелесть. Он и сам себе больше не позволит поддаться сладкому искушению. Он будет беречь этот чудный цветок, чьею ложа удостоятся лишь избранные, лишь те, которым подвластно в полной мере оценить этот изысканный подарок вольноотпущенника Мерулы.

Тут он почувствовал ее взгляд на своем лице, повернул к ней голову и вдруг испугался, даже чуть вздрогнул – такая печаль плескалась в ее бездонных черных глазищах. Где же он видел эти глаза? На мгновение ему привиделась шумная улица и чей-то отчаянный взгляд, полоснувший его из-за спин каких-то мужчин, но что это было, и было ли на самом деле – Мерула не мог понять. А девчонка в следующую минуту чуть подняла уголки губ в понимающей улыбке, и он успокоился: «Показалось! Смышленная! Видно, ей и не нужно долго объяснять, что от нее потребуется!».

Они вышли из беседки и принялись за ужин. От любовных игр в обоих пробудился волчий аппетит – кушанья были жадно сметены, вино выпито. Утолив голод и осоловев от любви и еды, Мерула вдруг вспомнил, что он так и не знает, кого он привел в свой дом и как ее имя.

– Так кто же ты, плясунья? Откуда родом? Как тебя зовут? – спросил он.

Она вскинула на него свои глазищи, слегка дернула плечиком и стала что-то говорить, иногда махая рукой в неопределенном направлении. Мерула напрягся, собрал в голове все свои знания арамейского, но из ее рассказа мало что понял. Он разобрал, что пришла она откуда-то издалека, но что это за место, и почему она его покинула – так до него и не дошло. Но до него дошло главное: что ей нравится и Кесария, и красивая здешняя жизнь – тут она восторженно обвела взглядом перистиль, – и море, которого она раньше не видела, и что она давно мечтала жить здесь. А как зовут ее, он так и не разобрал, но решил, что это ему и не нужно. Зачем ему знать ее иудейское имя? Он придумает ей другое, красивое, одно из таких, каким называют себя изысканные римские куртизанки.

– Знаешь что, – сказал Мерула, с трудом подбирая арамейские слова, – я буду называть тебя Селеной. Нравится тебе такое имя? Селена, Луна, повелительница ночи.

Танцовщица улыбнулась и кивнула в знак согласия.

– Хочешь жить здесь? В этом доме? – спросил Мерула и, не дожидаясь ответа, потому что ответ был и так ясен, продолжал: – Я торгую разными товарами, у меня много важных знакомых, богатых людей. Я приглашаю их в свой дом, устраиваю щедрые пиры. За трапезой мы говорим о серьезных делах. Я люблю, чтобы мои гости оставались довольны. Понимаешь меня? – она как будто поняла, кивнула. – Если ты будешь украшать наши трапезы своими танцами, развлекать моих гостей, то будешь жить, как настоящая римлянка (при этих словах он увидел, как у девчонки загорелись глаза в сладком предвкушении). У тебя будет все – еда, красивые платья, дорогие кольца. Ну как, согласна?

Плясунья в восторге захлопала в ладоши и закивала из всех сил. Они подняли наполненные вином кубки, чтобы закрепить состоявшуюся сделку, а в том, что эта сделка – весьма удачная, Мерула убедился совсем скоро.

Прошло всего несколько дней с тех пор, как танцовщица поселилась в его доме. За это время бродяжка отдохнула от своих странствий, набралась сил, и исполнилась такой грации и прелести, что Меруле пришлось изо всех сил сдерживать свой пыл. Он отвел ей маленькую спальню в галерее и каждую ночь боролся с искушением войти к ней.

Еще тогда, в беседке, впервые познав ее, Мерула понял, что может привязаться к плясунье сильнее, чем следует. Но этого допустить никак нельзя. Неизвестно, в какой тупик может завести вольноотпущенника сердечная привязанность к безродной нищенке–иудейке. Он, неполноценный римлянин, не должен поддаваться увлечениям и страстям. Ему надо искать жену среди свободнорожденных латинянок или гречанок, только это навсегда избавит его будущих детей от тени рабского прошлого их отца. Кезон Сестий Мерула – человек, твердо знающий свою цель, и ради этой цели он сумеет побороть себя. И бессонными ночами он раз за разом погружался в прохладную воду фонтанчика, чтобы остудить сжигающее его изнутри пламя желания.

Наконец настало время, когда он решил проверить чары плясуньи на других. Он сам отправился к своему бывшему хозяину, уже почти два года пребывающему в Кесарии на службе у префекта, с почтительной просьбой: оказать ему, Меруле, радость увидеть патрона у себя в доме. Тот выслушал благосклонно – молва об искусстве танцовщицы уже дошла до некоторых ушей в Кесарии, а Кезон Сестий, несмотря на почтенные годы, не утратил любовь к необычным зрелищам и молодым горячим женщинам.

Заручившись согласием патрона, Мерула послал приглашения еще нескольким достойным людям и стал готовиться к встрече гостей. Главное же было – настроить надлежащим

образом Селену, так, чтобы ни один из гостей, а прежде всего – Кезон Сестий, не ушел разочарованным.

На следующий день, когда стало смеркаться, а солнце умерило свой пыл, у Мерулы в атриии, щедро освещенном и богато украшенном по такому случаю цветами, собралось небольшое общество. Хозяин дома расстарался – кушанья подавались на дорогих серебряных блюдах, а драгоценное фалернское вино, цветом соперничающее с солнцем, плескалось в изысканных, тяжелых кубках с искусным орнаментом. Все располагало к неспешной, дружественной беседе, и игривые нимфы и сатиры на стенках кубков, будто живые, приглашали пирующих принять участие в приятных, веселящих сердце забавах. От кубка к кубку лица гостей становились все более улыбочивыми, а речи – все более дружелюбными.

Когда совсем стемнело, Мерула незаметным жестом велел рабу, прислуживающему гостям, убрать почти весь свет, оставив гореть только четыре светильника вокруг возвышения в глубине атрия.

Он сделал знак, и из-за занавеси вышли два грека – один держал в руке тимпан, другой нес авлос. Первый обвел присутствующих веселым взглядом и ударил в кожаный бок тимпана ловкими маленькими руками, рассыпав звонкую дробь. Нежно и чуть тревожно запел авлос, занавесь вновь шевельнулась, и на возвышение вспорхнула танцовщица Селена, легкая и волнующая, будто сотканная из полутьмы и лунного света, друга тайных вождлений. Невиданно дорогая туника алого шелка невесомыми складками облекала ее тело, таинственно посверкивали золотые нити в тяжелых черных волосах. Гости замерли, забыв про угощение и беседу.

Авлос запел громче, зазвенело монисто на плечах танцовщицы, сверкнула золотом змейка–браслет на тонкой руке, алая ткань огнем заструилась по изгибам тела, и Селена закружилась в танце, тревожа взгляды и сердца.

Не дыша, гости следили за ее колдовским танцем, и с тайной радостью наблюдал за их волнением Мерула. Он бросал незаметные взгляды в сторону патрона – тот сидел молча и неподвижно, не сводя глаз с танцовщицы. Мерула хорошо знал этот тяжелый, пылающий вождлением взгляд старого служаки и в мыслях приносил горячую благодарность своему покровителю, легконогому богу Меркурию за то, что тот надоумил его остановиться около нищей бродяжки на грязной припортовой улочке.

Наконец смолкла песнь авлоса, вскрикнул напоследок и затих тимпан, музыканты оттерли пот со лба и с поклоном приняли чаши с вином. А танцовщица обвела гостей черными глазами, лукаво улыбнулась и скрылась за занавесью.

Гости перевели дух и разом заговорили: кто-то восхищался, кто-то спрашивал у хозяина дома, где он нашел такое сокровище, а патрон напрямик спросил, также ли она искусна на ложе, как и в танце. Мерула не ответил – лишь понимающе опустил веки. Он ликовал в душе: теперь он знал наверняка, что слухи об искусной плясунье быстро разнесутся по всей Кесарии и наполнятся его дом охочими до новых необычных зрелищ гостями. И, глядишь, окажутся среди этих гостей сановники, которые крепко держат в своих руках невидимые нити торговых путей великой империи.

Была уже поздняя ночь, когда гости отправились по домам. Лишь Кезон Сестий не трогался с места. Вот он взглянул Меруле в глаза, и тот незаметным движением головы указал ему на маленькую дверцу в глубине перистиля, ведущую в спальню Селены. Патрон величаво поднялся и неторопливым, хозяйским шагом отправился туда. Мерула проводил его взглядом, услышал в ночной тишине, как скрипнула дверца спальни, как она захлопнулась за ночным гостем, и все стихло.

Праздник закончился, слуги убрали остатки пиршества, унесли светильники, тьма воцарилась в доме и во всей неугомной Кесарии. А Мерула все сидел на мраморной скамье около фонтанчика и смотрел на тихонько поющую в лунном свете струйку воды. Ему бы радоваться

оттого, что так угодил своему патрону и теперь вправе ожидать от него милостей и поблажек, но он отчего-то приуныл. Он знал, что сейчас происходит в спальне танцовщицы, ему даже стало казаться, что в ночной тишине он слышит поскрипывание ложа под их сливающимися в любовном восторге телами, и что-то, похожее на ревность, вползло к нему в сердце. «Проклятый старик», – подумал он о патроне, представил его надменное, сухое, жестокое лицо римского патриция, и вдруг непроизвольно сжал кулаки в порыве неконтролируемой, волной накатившей ненависти. Ворваться бы сейчас в эту маленькую спальню, накинуться на сластолюбивого римлянина, привыкшего распоряжаться судьбами других людей, будто тряпичными куклами, пинками выгнать его из дома на улицу и самому возлечь с юной плясуньей на ложе, обнять, прижать к себе нежное тело, зарыться лицом в ароматную гриву ее волос. Но нет, – вздохнул он в следующую минуту, – этому, конечно, не бывать. Не для того Мерула, почти не помнящий своей родины и отчего дома, долгие годы тяжко трудился, недоедал и недосыпал, хитрил, обманывал, обдeldывал дела с торговцами юным живым товаром и копил монету за монетой на свое освобождение, чтобы в одночасье все потерять из-за глупого любовного порыва. И все же... Он вспомнил тело Селены – тонкое, невесомое, душистое, и неслышно застонал. Потом глубоко вздохнул, как человек, смирившийся с невозвратимой потерей, тяжело поднялся со скамьи и отправился спать.

* * *

Прошло чуть больше недели, и раб патрона принес Меруле приглашение на ипподром, где вскоре должны были состояться гонки колесниц. На словах же раб сказал, что Мерула может взять с собой танцовщицу Селену – пусть и она насладится захватывающим зрелищем. Мерула кивнул рабу и велел передать патрону, как высоко он ценит оказанную ему честь. Когда раб с глубоким поклоном покинул дом, Мерула не сдержался и, как мальчик, захлопал в ладоши – это приглашение свидетельствовало о расположении патрона лучше всяких слов.

В назначенный день утром Мерула отправился на игрища в сопровождении Селены. Расчетливый делец, он специально вышел из дома пораньше, чтобы оставалось время поприветствовать своих друзей и знакомых, которых он наверняка встретит на улице. Хочешь быть удачливым – нигде и никогда – ни на зрелищах, ни в термах, ни на улице – не забывай о делах, приветствуй всех и каждого, кто хоть на гранум может быть тебе полезен. Важно шествовал торговец Мерула по улицам Кесарии чуть впереди своей спутницы. Она поспешала за ним, одетая на римский манер в светлую тунику из тонкого полотна и легкий плащ, окутывавший ее с головы до ног. Впрочем, с помощью золотой, тонкой работы заколки она закрепила покрывало на голове так, чтобы оно не скрывало ни ее живого, радостного лица, ни роскошных волос.

Они вышли на оживленные улицы, ведущие к ипподрому. Здесь им пришлось замедлить шаги – толпа становилась все более густой, пестрели греческие, сирийские, римские одежды, слышалась разноязыкая речь. Попадались и иудеи – в веселой и вольной Кесарии многие из них почувствовали привлекательность римской жизни, с охотой посещали скачки и гонки на колесницах, а некоторые даже заводили свои упряжки и возниц, чтобы самим принимать участие в состязаниях. На ипподроме и в амфитеатре можно было спокойно, не боясь осуждения, общаться иудею с эллином, чиновнику из метрополии – с торговцем из Иерусалима, простолюдину – с римским патрицием.

Мерула со своей спутницей неторопливо пробирался сквозь толпу и не мог скрыть довольной улыбки: знакомые попадались все чаще, его окликали, поднимали ладони в дружеском приветствии, и он понимал – это повышенное внимание он заслужил за счет маленькой танцовщицы. Это она сделала его известным на весь город, это ей выражают восхищение, это ей адресуют приветственные слова. Он оглянулся на нее и понял, что девчонка и сама это осознает – так счастливо сияли ее уголья-глаза.

Вдруг чей-то окрик привлек его внимание. Он оглянулся – какой-то важный иудей в богатом тюрбане что-то раздраженно кричал ему, явно указывая на Селену. Мерула посмотрел на свою маленькую спутницу и заметил, что она почему-то прикрыла лицо покрывалом, будто хотела, чтобы ее не узнали. «Что такое?», – озадачился было Мерула, но спрашивать времени не было – толпа скрыла иудея, и как мощный поток повлекла их на ипподром.

Они вошли и стали пробираться к своим скамьям. Мерула заметил Кезона Сестия на почетном месте в нижнем ярусе, недалеко от скамей, предназначенных для самого префекта и его свиты, и порадовался, что его патрон явно преуспевает в Кесарии. Как будто почувствовав мысли своего вольноотпущенника, Кезон Сестий обернулся, увидел Мерулу, дружелюбно кивнул ему и пальцем указал ему место во втором ярусе среди почтенных горожан. Мерула, едва не дымясь от гордости, прошествовал на свое место, а Селена, как того требовали правила, отправилась в верхний ярус для женщин.

Мерула уселся на скамью и вдруг рядом с патроном заметил того самого иудея в расшитом тюрбане, который перед входом на ипподром что-то недовольно ему кричал. Сейчас иудей беседовал о чем-то с Кезоном, тюрбан его величаво колыхался вслед его словам, и было очевидно, что эти двое давно и хорошо знакомы. Вдруг, прервав беседу, иудей оглянулся на Мерулу и пристально посмотрел ему в глаза, при этом неодобрительно покачивая головой. Мерула призадумался. Если иудей ладит с римской администрацией в Кесарии, имеет значительные связи, то нехорошо возбуждать его неудовольствие. Чем ему могла не понравиться Селена? «Наверное, – в некоторой тревоге размышлял Мерула, – слух о ней разнесся по городу, многие о ней слышали. Вот этот важный старики сердится, что женщина их племени улаживает нас, как они говорят – нечестивцев, танцами и ласками. Надо обязательно все разузнать получше – как бы она не повредила моим делам, вместо того, чтобы способствовать им».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.